

УДК 821.161.1

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-2-36-41

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА О ГОГОЛЕ
В ПОВЕСТИ А. КОРОЛЕВА «ГОЛОВА ГОГОЛЯ»**© *Колмакова Оксана Анатольевна*

доктор филологических наук, доцент кафедры русской и бурятской литературы
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: post-oxygen@mail.ru

В статье рассматривается миф о писателе в повести А. Королева «Голова Гоголя». Миф о писателе является значимым компонентом культуры, поскольку создает возможность постоянного диалога ее творцов. Основу мифа о Гоголе составляют мифологемы «биографической легенды» писателя, относящиеся к важным событиям фактической гоголевской биографии. Бытие гоголевского мифа в художественном сознании XX–XXI вв. определяется двумя противоположными тенденциями: активной генерации и демифологизации. Данные тенденции отчетливо прослеживаются в повести А. Королева. Созданный в тексте повести авторский миф соотносим с мифом о Гоголе, укорененном в массовом сознании. Однако повесть А. Королева не только интерпретирует, но и творит новый гоголевский миф, наполняя его новыми смыслами, создавая на основе старых новые мифологемы. Обращаясь к мифу о Гоголе, писатель не только указывает на преемственную связь нового столетия с предыдущими, но стремится обрести собственную идентичность.

Ключевые слова: А. Королев; «Голова Гоголя»; миф о Гоголе; мифологема; образ; мотив.

Еще А. Ф. Лосев указывал на то, что основным конструктом мифа является категория личности. «Миф есть в словах данная чудесная личностная история», — писал философ в своем фундаментальном труде «Диалектика мифа» [8, с. 265]. Личность великого писателя — это всегда легенда. Объективное знание о писателе, зафиксированное официальной наукой, нередко вытесняется субъективным, формируемым на основе домыслов и вольных интерпретаций подлинных фактов его биографии. Субъективное мифологизированное знание становится достоянием массового сознания и объективируется в форме элементов биографического сюжета — мифологем.

О мифологемах писал К. Г. Юнг: «Искусство мифологии определяется своеобразием своего материала. Основная масса этого материала, сохранявшаяся традицией с незапамятной древности, содержалась в повествованиях о богах и богоподобных существах, героических битвах и путешествиях в подземный мир — повествованиях (“мифологема” — вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения), которые всем хорошо известны, но которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества. Мифология есть движение этого материала: это нечто застывшее и мобильное, субстанциональное и все же не статичное, способное к трансформации» [9, с. 13].

Миф о Гоголе являет собой совокупность представлений массового сознания о писателе как о культурном герое. В Интернете, квинтэссенции современного массового сознания, акцентировано мистическое содержание мифа о Гоголе. К примеру, на сайте «Русская Семерка» (ссылка на который появляется одной из

первых при запросе «Мифы о Гоголе»), названы «7 главных загадок Николая Гоголя», среди которых такие мифологемы, как «заживо погребенный», «похищение черепа», «голова Гоголя и поезд-призрак»* [7], составляющие ядро гоголевского мифа. Подзаголовок к интернет-страничке тоже весьма красноречив: «"Я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадает меня совершенно" — Н. В. Гоголь» (взят из письма Гоголя к матери от 1 марта 1828 г. [3, т. 10, с. 123]).

Миф о Гоголе — один из трендов современной русской культуры. Ответом на культурный запрос можно считать, например, книгу В. А. Воропаева «Однажды Гоголь... Рассказы из жизни писателя» (2014)**, а также фильм «Гоголь. Начало» (реж. Е. Баранов, 2017), являющийся, по замыслу его создателей, первой частью трилогии «Гоголь». Существенный вклад в мифологизацию личности писателя вносят его «коллеги по цеху», интерпретируя существующие и генерируя новые мифологемы. Одной из наиболее интересных попыток интерпретации гоголевского мифа в современной литературе стала повесть А. В. Королева «Голова Гоголя», написанная в 1992 г.

Нужно сказать, что бытие гоголевского мифа в художественном сознании XX в. определяется двумя противоположными тенденциями: 1) активное генерирование мифа и 2) его демифологизация. Новелла И. А. Бунина «Жилет пана Михольского» (1936) — яркий пример генерирования мифа о Гоголе как о «странном человеке», которого никогда не понять рядовому обывателю. Эта мифологема вербализуется в нелепой реплике заглавного персонажа: «Гоголь позавидовал на мою жилетку!». В новелле М. М. Зощенко «Товарищ Гоголь» (1926), напротив, личность Гоголя демифологизирована. Вместо «Великого Русского Писателя» создан образ «тов. Гоголя»: «И пописывал бы Николай Васильевич разные мелочишки. Может быть, даже отдел "Тараканы в тесте" вел» [4, с. 47].

Тенденции генерирования и демифологизации гоголевского мифа обнаруживаются и в повести «Голова Гоголя». Это произведение, как и многие другие у А. В. Королева, представляет собой попытку творческой интерпретации исторической реальности. Жанр текста может быть определен как квазиисторическая повесть, где автор предлагает собственную — циклическую — концепцию мировой истории, видя в событиях Великой французской революции предвосхищение российского террора Октября 1917 г. и эпохи сталинизма.

Обращаясь к технике постмодернистского коллажа, автор соединяет факт и вымысел. В повести переплетены действительные события и события авторского сознания. Коллизии объективной реальности (воспоминания современников Гоголя) сосуществуют наряду с воспроизведенными повествователем текстами истории («Великая французская революция», «Вторая мировая война», «Сталин-

* Якобы, один из владельцев гоголевского черепа захватил его с собой в железнодорожную поездку, задумав подшутить над своими спутниками. Однако когда он открыл коробку с черепом, поезд тотчас исчез. Впоследствии этот поезд-призрак видели «то где-то в Италии...то в Запорожье...» [7].

** Книга представляет собой сборник «мифологических нарративов», созданных, как сказано в аннотации, «школьными товарищами и друзьями Николая Васильевича. Эти небольшие, но емкие истории, расположенные в хронологическом порядке – в соответствии с этапами биографии писателя, — дают возможность войти в мир Гоголя» [1, с. 2].

ский террор»), а также с чисто постмодернистским сюжетом письма, т. е. описанием процесса создания текста ***.

Эпиграфом к повести является высказывание В. В. Розанова: «Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего корабль стал весь разваливаться. Он “открыл кингстоны”, после чего началось неудержимое, медленное, год от году, потопление России. После Гоголя Крымская война уже не могла быть выиграна» [6, с. 109]. Уже в эпиграфе начинается разворачиваться сюжет повести: фигура Гоголя сыграет роковую роль в русской истории. Завязкой сюжета служит реальный эпизод перезахоронения праха Гоголя в 1931 г.

Мифологема «голова Гоголя», одна из основных в гоголевском мифе, обретает в повести онтологический статус. Черт в образе советского писателя Лялина крадет из гроба Гоголя череп — «дьявольский шар», который запустит катиться по Земле, начав игру в «кегли мировой истории». «Мир не имеет ровно никакой особенной цели, все это только игра. Если хотите, игра слов, которыми творился мир. Вся цель и смысл — игра» [6, с. 120]. В этих словах черта сформулирована основная идея культуры постмодернизма: неразделимость игры и жизни [5, с. 184–190] — идея, положенная А. Королевым в основу сюжета повести.

Постмодернистской деконструкции подвергает А. Королев гоголевский миф о черте, созданный Д. С. Мережковским в эссе «Гоголь и черт» (1906). Королев буквально выворачивает наизнанку идею Мережковского о том, что главным импульсом творчества Гоголя была мысль о том, «как черта выставить дураком». В повести А. Королева черт — это Alter Ego Гоголя.

Черт постоянно меняет свои маски: кладбищенский сторож «в мягкой полумаске», Буденный, Гоголь, Гамлет, Мессинг. Мифологема «маска» — также одна из составляющих гоголевского мифа. По воспоминаниям Т. Г. Пашенко, Гоголь обладал необыкновенным талантом лицедейства: «Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл» [2, с. 45]. Лицедейство составляло саму природу Гоголя. В своих воспоминаниях П. В. Анненков приводит такое высказывание Гоголя: «Писать с меня весьма трудно: у меня по дням бывают различные лица, да иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений» [2, с. 290].

А. Королев обращается к постмодернистскому приему концептуализации (в духе Д. Пригова) образа Гоголя как «Великого Писателя», что наглядно представлено в следующем эпизоде: «Гоголь смотрел хмурой больной птицей и молчал. — Так вы разве не умерли? — совсем ошалел комиссар. — Я бессмертен, — отрезал Гоголь» [6, с. 118]. Также в тексте обыгран фразе-клише «Спроси у Гоголя» (т.е. ‘Гоголь все знает’): «Генералиссимус только руками развел: “Ну все знает, хитрец. Ты что — Гоголь?”» [6, с. 157]. Демифологизация образа Гоголя осуществляется у А. Королева также посредством игры слов и игры со стилем. Само название повести — «Голова Гоголя» — содержит каламбур и хорошо «рифмуется» с гоголевскими «лапками под апплике» из «Шинели». Пример игры

*** Вот, к примеру, такое проявление авторского «присутствия»: «И как-то духу не хватает сразу признаться, о чем они, эти размышления, и отчего мрачные. И рука не поднимается описать их гористый и безжалостный контур и мерзнет на сквознячке пустой страницы» [6, с. 110].

со стилем Гоголя можно увидеть в философской риторике повествователя и изображении диспутов исторических персонажей, создающих «установку на достоверность», что соотносимо со стилистикой гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Одним из самых ярких в тексте Королева является эпизод в поезде, описывающий событие тайной доставки черепа Гитлера в Москву в 1945 г. Эпизод претендует на статус самостоятельной новеллы, которая аллюзивно напоминает сюжет о «голове Гоголя и поезде-призраке», но своим комическим пафосом совершенно его подрывает.

Однако в повести гоголевский миф не только развенчивается, но и творится автором. Погружая современность в пространство прошлого, А. Королев ищет в человеческой истории некие инварианты, одним из которых становится насилие. Идею насилия символически воплощает мифологема «голова Гоголя». Королев выдвигает идею «Гоголя — предтечи мирового кризиса гуманизма» («...от такой пробоины не только Россия, весь мир затонул») [6, с. 153].

Автор обвиняет Гоголя в том, что тот «приумножил своей фантазией сумму злых вещей в мире», ибо все, что человек выдумывает в своей голове, Бог тут же запоминает, а «память его <Бога> такая хитрая штука, что все мысленное сразу становится действительным» [6, с. 151]. Главная вина Гоголя — описание «смерти невинного младенца, шестилетнего мальчика», первое изображение «убийства невинного ребенка в русской словесности» [6, с. 148], первая ретрансляция мифа об усекновении головы Иоанна Предтечи: гоголевского мальчика звали Ивасем. Приговор, вынесенный Гоголю чертом, призывает к русскому национальному мифу о профетической миссии писателя. Поэтому вслед за Гоголем «потянулась <...> в пекло вся Россия гуськом, на ощупь» [6, с. 148].

Посредством мифологемы «голова Гоголя» осуществляется связь эпох в повести. Очевидно, что ключевым концептом Великой Французской революции является гильотина. У Королева гильотина персонифицирована в образе революционера Жоржа Кутона, одного слова которого хватало для того, чтобы человеку отрубили голову: «Отныне достаточным основанием для вынесения приговора считать моральную убежденность судей в виновности лица <...> Кутон! Ты, только ты, и никто больше — красная буква на скрижалях террора» [6, с. 143]. Однако подлинного размаха террор достигнет в советской России. Черт в образе Мессинга восхищен Сталиным: «В вашем лице мировое зло достигло пока наивысшей точки. Что перед вами какой-нибудь Кутон? — кутенок!» [6, с. 161].

Мифологема «голова Гоголя» в повести А. Королева становится амбивалентным символом, олицетворяющим модернистскую идею «красоты зла» с присутствием ей «увлечением болью, культом раны» [6, с. 190]. Эта символика характеризует эпизод встречи черта с депутатами Конвента, которым тот представился как «революционер»: «— Коллекционер? — не расслышал безобразный паралитик Кутон <...> — Да, — кивнул гость, пригубив вина, — я коллекционирую головы» [6, с. 129]. Мотив коллекционирования отрезанных голов вновь обыгрывает модернистскую стилистику эстетизации ужасного.

В аспекте модернистской проблематики «голова Гоголя» связана с еще одной мифологемой гоголевского мифа — «сапогами Гоголя», реализованной в повести в одноименном сквозном мотиве. Так, кладбищенский комиссар Василий Николаевич Носов для восстановления «мировой справедливости» снимает с тела Гоголя хромовые сапоги и продает тем самым свою душу дьяволу, потому

что, сапоги — это «дно человека — душа грешника, мертвая и падшая душа, которую примеривает Сатана на полных правах владельца. Стать сапогами черта — вот, по Гоголю, крайность отпадения от Бога» [6, с. 115]. Черт в повести так и называет себя: «злой дух его <гоголевского> сапога» [6, с. 184]. Причастность Гоголя к дьявольскому миру превращает его жизнь в своеобразную «сапогиаду». По словам черта, Гоголь испытывал к сапогам настоящую страсть («Одно он любил на свете — новые сапоги» [6, с. 152]), долгое время «прожил на сапоге, в Италии» [6, с. 151], да и в самом профиле писателя было «что-то от остроногого сапожка» [6, с. 115]. Поэтому вывод о том, что сам Гоголь — «сапог, чистый сапог», «мертвая душа» [6, с. 37], вполне закономерен.

Мысль автора повести о том, что Гоголь стоял у истоков мирового кризиса гуманизма, окончательно демонизирует образ писателя, что более всего соответствует современному мифу о Гоголе. Современное массовое сознание с присутствующим ему неоязычеством привлекает прежде всего мистическая составляющая гоголевского мифа, во всей полноте представленная в повести А. Королева. А следующий пассаж можно с полным правом считать «синописом» к фильму «Гоголь. Начало»: «...вся его <Гоголя> жизнь — это нисхождение в ад. Его гений сразу проснулся именно в сумерках. Посмотрите, на лице юнца колыхаются inferнальные тени русалок, пальцы освещает ртутно-зеленый свет от гнилушек <...> небо уже густо-густо заштриховано полетами всяких пакостных панночек-людоедок» [6, с. 147].

Итак, в повести А. Королева «Голова Гоголя» гоголевский миф подвергается деконструкции: писатель варьирует его традиционные мифологемы и создает новые. Обращение писателя к мифу о Гоголе не только указывает на преемственность между эпохами XIX, XX и XXI вв., но становится своеобразным «культурным кодом», позволяющим современному автору обрести собственную идентичность. Об этом, в частности, свидетельствует программное произведение писателя — «Эрон», монументальный роман, авторский космогонический миф о современном несовершенном и в этом смысле «очень гоголевском» мире.

Литература

1. Воропаев В. А. Однажды Гоголь... Рассказы из жизни писателя. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2014. — 112 с.
2. Гоголь в воспоминаниях современников / под общ. ред. Н. Бродского, Ф. Гладкова, Ф. М. Головенченко и др.; ред. текста, предисл., коммент. С. Машинского. — М.: Гослитиздат, 1952. — 718 с.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1940.
4. Зоценко М. Социальная грусть: Рассказы и фельетоны. Сентиментальные повести. Перед восходом солнца. — М.: Школа-Пресс, 1996. — 768 с.
5. Ильин И. П. Постмодернизм. От истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. — М.: Интрада, 1998. — 255 с.
6. Королев А. Избранное: Гений местности; Голова Гоголя: Повести; Эрон: роман. — М.: ТЕРРА, 1998. — 480 с.
7. Короткова Я. 7 главных загадок Николая Гоголя [Электронный ресурс]. — URL: <http://russian7.ru/post/7-faktov-i-mifov-o-gogole/> (дата обращения: 25.02.2018).
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 320 с.
9. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. — Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с.

TRANSFORMATION OF GOGOL MYTH IN SHORT NOVEL
“GOGOL'S HEAD” BY A. KOROLYOV

Oksana A. Kolmakova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof., Department of Russian and Foreign Literature,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: post-oxygen@mail.ru

A myth about a writer serves as an important component of culture, because it gives the opportunity for its creators to stay in the process of constant dialogue. The basis of the Gogol myth is the mythologemes of his “biographical legend”, related to important events from his life. The functioning of the Gogol myth in the literary world of the XX–XXI centuries is determined by the two opposing tendencies: active interpretation of the myth and demythologizing. These trends can be clearly seen in the story “Gogol's Head” by A. Korolyov. The author’s myth, created by A. Korolyov in the story, correlates with the Gogol myth rooted in mass consciousness. However, A. Korolev's story not only interprets, but also creates the Gogol myth, giving it new meanings.

Keywords: A. Korolyov; “Gogol's Head”; the Gogol myth; mythologeme; image; motive.